

*Обняв сосуд с огнем погасшим,
Глубокой ночью я кружил.*

Юн Дон Чжу

Часть первая

В Сеуле шел снег.

Кристина зевнула.

— Проснулась? — спросил Шустов, оборачиваясь и успе-
вая увидеть в большом прямоугольном зеркале над столом
с журналами, настольной лампой и какими-то пакетиками
отражение комнаты: белоснежной, как великий сугроб, ши-
рокой кровати, странных, наверное авангардистских, кар-
тин, напоминающих увеличенные георгиевские ленты, вход
и решетчатую деревянную перегородку, закрывающую кух-
ню с раковиной, плитой и стиральной машиной.

Это было похоже на кинопленку, которую зачем-то отма-
тывают назад. Еще мгновение — и все кадры уйдут дальше,
мимо деревянной перегородки, в прихожую с обувью у по-
рога, за дверь, по коридору, в лифт, в холл гостиницы с под-
тянутыми вышколенными девушками и молодыми мужчина-
ми в черно-белых костюмах, лучезарно улыбающимися всем
встречным-поперечным под гигантского размера птичье-
древесной картиной в духе Анри Руссо; по автостраде; через
мегаполис; мимо гор; на длинный мост через морские зали-
вы; на остров, откуда взлетают, разогнавшись, как динозав-
ры тяжкие и размашистые лайнеры...

В воздух!

И обратно, через полмира, поперек Азии, над Китаем,
Монголией, Сибирью, за Урал...

Но где-то за Монголией пространство резко... резко... Что-то с ним случилось. Оно разбросило рваные лепестки. Именно там Шустов и проснулся, закемарив еще над Западной Сибирью. Вязкий гул самолета словно оторвался, повис позади. Как и великое пространство. И осталось голое время. Оно синей дугой вошло в зрачки, и это была траектория самолета на дисплее перед сиденьем.

Синяя дуга и маленький самолетик на ней проходили мимо нарисованного большого бумеранга — Байкала.

В этот миг зашевелилась и Кристина на своем сиденье. Оба сиденья были зажаты двумя другими, на которых похрапывали два корейца, а может два китайца или японца. До иллюминаторов далеко. И к тому же они были закрыты. И к тому же стояла ночь. Или текла, неслась со скоростью девятьсот километров в час. А в сознании с еще большей скоростью мелькали кадры давнего забытого кино про древнее пресное море, крошечный поселок на берегу, где жили лесники и научные сотрудники заповедника, библиотекарь, хлебопек и электрик Виктор Петров с патриаршей черной бородой лопатой, его миловидная жена, пожарный — в прошлом органист, то есть настройщик органов из Таллина, как его... Гена? Или Николай... Кое-что уже забылось. Но не бирюза Байкала в тихий дивный час на рассвете. Не аромат тайги: багульника болотного, смолы, хвои, прелой листвы. Не дали, открывавшиеся с вышки на горе... на горе Бедного Света. Это название дал молодой тогда лесник Шустов, и оно понравилось Петрову, бывшему геологу, философу с анархистским уклоном, игравшему фламенко и штудировавшему испанский, ибо название предполагало рост — рост света.

Этого не забыть.

И притулившейся на горе под многометровой вышкой из сосновых и лиственничных бревен избушки, зимовья с одним окошком, с цветами на подоконнике в банке из-под конской тушенки, транзисторным приемником, изливавшим советскую пропаганду, но и добротные познавательные, литературные и музыкальные передачи, каких сейчас нет и в помине. На этой горе, в этой избушке они и жили целое лето, Олег Шустов и сбежавшая из Ленинграда студентка Кристина; он не попал из-за туманов в армию, не смог вылететь на большую землю; Кристина ждала ребенка. И они были счастливы.

По утрам на дерево прилетал орлан.

Где эта гора Бедного Света?

И вырос ли свет?

— О нет, пожалуй, и не проснулась, — пробормотала женщина, накидывая халат и неотрывно глядя на окно.

Запахиваясь, она зашаркала синими гостиничными тапочками по паркету, остановилась у окна, к которому и Шустов уже повернулся, снова увидев в зеркале отражение деревянной перегородки, авангардистских картин — и, наверное, всего, что было потом, после байкальского лета, всей состоявшейся и несостоявшейся жизни, ведь прошлое на самом деле упаковано в песчинку размером с горчичное зерно, как писано в Великой книге, что, мол, крошечное горчичное зернышко, а разрастается деревом; в сознании это зернышко то и дело взламывает настоящее могучим стволом и ветвями — и снова оборачивается хлебной крошкой...

За окном во всю стену падал снег.

Снег сыпался, вился мокрыми белыми прядями между высотными домами, налипал на зеленоватую черепицу готиче-

ской церкви с крестом на башенке и крупными иероглифами на фасаде над большим круглым окном, летел на бетонные ограды, магазинчики внизу, строения с какими-то изогнутыми блестящими трубами.

— Снег, — подтвердил Шустов и прокашлялся.

— А так тепло вчера было, — чуть хрипловато со сна сказала Кристина, протянула бледную точеную руку к стакану с водой, сделала глоток. — Странно, — проговорила, утирая тыльной стороной ладони губы.

— Вот так, — проговорил Шустов. — Может, произошла какая-то ошибка? И мы оказались не на юге, в Сеуле, а на севере — в Пхеньяне? В лапах спецслужб Ким Чен... Чен Им... В общем, вечного Ким Ир Сена.

— Хм...

— Или это мы с собой его и привезли.

— Кого? — спросила быстро Кристина, с испугом взглядывая на Шустова, и тут же рассмеялась. — Да в Питере еще нет и в помине.

— Неизвестно. Может, как раз и выпал, — возразил Шустов.

— Что же делать? — спросила Кристина, щурясь на белый свет из окна.

— Готовить завтрак.

— Ах ты! Черт! — Кристина взмахнула рукой, повернулась к электронным часам. — Завтрак-то мы проспали! Портъё говорил, что со скольких-то до десяти. А уже одиннадцатый час. Пятнадцать минут... Надо было завести будильник.

— В Питере еще только четыре утра. Обогнали ночь. Прилетели поближе... к источнику. До Японии тут рукой подать.

— А при чем тут... — пробормотала Кристина, ловя рыжую прядь и скашивая глаза на кончики волос.

— Страна восходящего солнца, — ответил Шустов.

— Я слышала, они их не любят, — проговорила Кристина, продолжая рассматривать волосы.

Шустов хотел уточнить, кто кого не любит, но уже понял и промолчал.

Полчаса спустя они сидели за стеклянным круглым столом, пили горячий чай с питерскими конфетами и бутербродами, загодя приготовленными Кристиной, и смотрели в окно на безостановочно вьющиеся космы снега.

— Мокрый снег... как это мерзко, — ежась, говорила Кристина.

— Надо было устраивать конференцию в самое комфортное время, весной или в сентябре.

Кристина усмехнулась:

— Это корейцы, дорогой.

Шустов поморщился:

— Слушай, если это кино, то совсем не голливудское, — сказал он и сделал большой глоток чая, обжегся и еще сильнее сморщился.

Брови Кристины взлетели.

— Мм?..

После чаепития Шустов сказал, что расслаживаться нечего, надо действовать; у них в запасе только неделя. Кристина уже надела очки и включила ноутбук. Ее глаза под стеклами очков еще больше расширились, когда она взглянула на Шустова.

— Что ты хочешь сказать?

— Пора.

Кристина, качая головой, вновь обратилась к дисплею ноутбука, и стекла очков налились холодной свинцовостью. Шустов снял халат.

- Тебе жарко? — не оборачиваясь, спросила она.
- А может, в нем и пойти? Буду как самурай снега. То есть — снеговик.
- Куда пойти?
- В город. Не каждый день просыпаешься в Сеуле. Довольно дорогое удовольствие.
- Ты шутишь, — убежденно сказала Кристина.
- По-моему, это ты шутишь. Или все еще спишь. Одно из двух. Проснись, красавица, пора. Друг прелестный.
- Кристина скривила губы.
- Как-то... невкусно.
- Уж лучше голливудского *дорогого*. Пошли.
- Да ты что?! Там у Пушкина хотя бы было солнце, пусть и мороз. А здесь — мокреть. Мокрый снег. И он не кончается. Я, — проговорила она, плотнее запахивая толстый белый халат на груди, — никуда не пойду.
- А на обед снова будут конфетки с чайком? Надо хотя бы купить яиц, масла, вон сковородка имеется, пожарим яичницу, вечный обед холостяков.
- Чего это ты возомнил себя холостяком? Мы вместе сюда прилетели, дорогуша.
- Друг прелестный...
- Перестань.
- Да сколько раз...
- Ах, извини, действительно. Уж совсем не... Ну, хорошо. Договорились.
- ...И вот прикуплю, — продолжал Шустов, натягивая джинсы, — прикуплю лука, рыбы, хлеба, а может и картошки. Говорят, здесь есть какой-то знаменитый рыбный рынок. Я читал... Как его... Норя... Не помню, как дальше. Надо

было купить путеводитель. Гид, видишь, побоялась снежных заносов.

— Она завтра будет, пришла эсэмэска.

— Зачем она нам вообще? Что за буржуйские прихоти?

— Сами мы тут ничего не поймем. Это же другая планета. И английский тут не в ходу, — напомнила Кристина. — Да и зачем отказываться? Это подарок от компании.

Шустов тяжело вздохнул:

— Как я ненавижу новые времена.

Брови у Кристины взлетели.

— За что же? За поездку сюда?

Шустов молчал, надевая рубашку, свитер. Потом обувался. Наконец, разгибаясь, ответил:

— За этот подлый язык.

Ноутбук с визгом двинулся по стеклу стола. Кристина сняла очки, с возмущением глядя на Шустова.

— Что ты имеешь в виду? Что я не так сказала?

— Да ладно.

— Нет уж, скажи.

— Ну, от компании. Рассказ от известного писателя имярек. Платье от кутюрье Зайцева.

— О! О!.. А ваш язык, сударь любезный, просто всегда само совершенство. Просто шик и блеск сапожника, опора во дни сомнений и раздумий. Уши вянут.

Шустов усмехнулся:

— Иногда сильные переживания требуют сильных выражений. Это было свойственно даже Пушкину. А он — солнце.

Кристина взяла стакан, сделала глоток. Повернулась к окну. Шустов шуршал курткой, заматывал шарф.

— Так ты серьезно... Намереваешься... — проговорила глухо Кристина.

— Намереваюсь, — сказал он.

— Вымокнешь да и сляжешь с температурой. С твоим-то горлом. Даже от помидора из холодильника гланды тут же краснеют... Ой, — спохватилась она, театрально прикрывая рот рукой. — Что я сделала? Опять. От помидора. Или все правильно?

Шустов улыбнулся на ее замечание.

— Куплю водки. Заранее.

— Угум, это мы умеем, любим лечиться. Не надо, а?

— А что, думаешь, они святые тут? Трезвенники? Глушат свое sake небось.

— Это японское.

— Ладно. Постараюсь. И вот что я нашел за дверцей.

— Что? — спросила живо Кристина.

Он показал синий зонт, раскрыл его, и тот сразу заполнил всю прихожую.

— Огромный, — сказал Шустов. — С лейблом гостиницы, чтобы не сперли русские мазурики.

— Тут весь мир перебивал.

— А лейбл — для нас.

Кристина вздохнула.

Шустов сложил зонт и взялся за ручку двери.

— Постой, — окликнула она мужа. — Раз есть такой большой зонт, я, пожалуй, пойду тоже.

Шустов улыбался, глядя исподлобья.

Первый снег, первый снег...

В Сеуле.

Редкие прохожие под зонтами спешили где-нибудь спрятаться от этого мокрого снегопада — в кафе, в офисе или хотя бы на остановке. Снег налипал на желтую и пурпурную листву. А листья на некоторых деревьях и кустах и вовсе были зелены. И на клумбах пестрели живые цветы. Ветки сосен тяжело гнулись. Перед кафе и магазинчиками орудовали лопатами смехотворно хрупкие работницы в легкомысленной одежде: курточках, брючках, из-под которых выглядывали голые щиколотки; им помогали и простоволосые парни в кроссовках на босу ногу. Прохожие тоже были без головных уборов, но хотя бы защищены зонтами. Впрочем, встречались и горожане без зонтов, в расстегнутых черных полупальто, с галстуками, в белых рубашках, без перчаток. Кристина и Шустов с изумлением на них тарасились. Те в свою очередь тоже с любопытством поглядывали на парочку под синим зонтом с гостиничным желтым знаком; у Кристины из-под кремового берета выглядывал яркий рыжий хвост; щеки Шустова занесены были как будто снегом, но снегом, смешанным с углем. Сами мужчины на улице все были безупречно выбриты, подтянуты, быстры, но не суетливы. Кристину поразил снег под ногами — снежная каша чиста, и лужи, ручейки, бегущие всюду, прозрачны.

— У нас первый снег мгновенно превращается в коричневую слизь, мутные лужи — в грязные болотца, — бормотала она, осторожно шагая. — Как им это удастся?..

— Это уж нам удастся на славу, — бросил Шустов.

— Да нет, им, сеульцам.

Шустов хохотнул.

— Что смешного? — поинтересовалась Кристина.

— Мне все слышится что-то сельское.

— Ну, — откликнулась Кристина, окидывая взором высотные дома, похожие на толстые сигары или, скорее, на самолеты с отбитыми крыльями и хвостами, поставленные на попа, — уж на село этот монстр стекла и бетона точно не похож.

По дороге проезжали автомобили, беспрерывно смахивающие с циклопического растянутого ока снег двумя мощными ресницами. Неспешно тянулись синие и зеленые автобусы. Стекланные этажи уходили в беспросветную снеговую высь, сквозь которую светились электрические экраны, надписи. То и дело попадались прислоненные к перилам горные велосипеды, занесенные снегом, и не пристегнутые замками.

— Похоже, у них не только снег чистый, но и помыслы, — заметила Кристина, кивая на очередной велосипед.

— Наверно, рубят топором руку воровскую, — тут же предположил Шустов.

— А по-моему, у них вообще мораторий на смертную казнь.

— Отрубить руку — еще не убить.

— Уже от ужаса помереть можно.

Они шли по улице под большим синим зонтом с желтым знаком, глаза по сторонам.

— Куда мы вообще идем? — спросила Кристина.

— Не знаю, — ответил Шустов.

— Не заблудимся?

— Я этого давно хотел, — сказал он. — Затеряться среди чужих гор, чужой речи. Утонуть в ней и, как пел Высоцкий, позывные не передавать.

— Посмотри, — сказала Кристина, — даже ребенок без шапки.

Навстречу им шли отец и сын, оба в темных очках, в куртках, джинсах, простоволосые; у мальчика куртка распахнута, через плечо сумка с каким-то мультяшным персонажем и надписью «Big Hero». Правда, снег немного унялся, только изредка летели с неба лоскуты. Тогда Шустов нажал на кнопку, и зонт схлопнулся. Мальчик одобрительно кивнул.

Через дорогу они увидели внушительных размеров арку и направились к ней. Она была похожа на парижскую. За аркой зеленели сосны и высился монумент.

— Неужели и здесь Ильич? — удивился Шустов.

Нет, это был памятник какому-то местному деятелю, но пафос, с каким он вскинул руку с кепкой, — нет, с посланием потомкам, свернутым в трубку, — расстегнутое пальто, простоволосая голова, — во всем этом было что-то неизбежно соцреалистическое.

— Ничего-то мы не знаем о Корее, — посетовал Шустов, — кроме того, что, как и Германию, ее раскололи тектонические сдвиги на два материка: социализма и капитализма.

— Мог бы и узнать что-то перед поездкой, — ответила Кристина, кривя накрашенные губы.

— Ты же знаешь, что некогда. У меня до сих пор перед глазами цифирь отчетов.

— Пора бы вполне доверять Надежде Алексеевне. Сколько она уже бухгалтершей у тебя?

Шустов мотнул головой в вязаной шапке с помпоном, сморщился.

— Слушай, какая скука толочь это и здесь.

Кристина улыбнулась, глядя на его шапку.

— Но шапку она тебе ко дню рождения связала веселенькую.

Шустов потрогал шапку и сказал, что ему нравится, это именно шапка для сказочных путешествий.

— Хм, пока что тут только сказочно сыро, холодно, бр-р-р, — отозвалась Кристина.

— Не знаю, — сказал Шустов. — Но, возможно... все и начнется сейчас.

— Почему именно сейчас?

— А вот мы входим в эту арку.

Они проходят под аркой и оказываются на той стороне.

Шустов говорит, что в каком-то журнале, «Вокруг света» возможно, сто лет назад, а точнее, мм, лет тридцать с лишним, на Северном кордоне на Байкале он, вчерашний школьник, прочел такую средневековую байку про пресвитера Иоанна, что, мол, путешественники прибыли в его царство, пошли на прогулку, увидели древо некое, о котором их предупреждали не заходить *на ту сторону*, потоптались, попятились, да неумный один их спутник взял и шагнул на запретную сторону.

— Что он там увидел? — мимоходом спрашивает Кристина, снимая смартфоном заснеженные сосны, памятник за аркой.

Шустов кашляет, отвечает, что это и неизвестно, он просто рассмеялся и ушел дальше, а его спутники напрасно ждали до вечера. И вот он, молодой лесник Шустов, прибывший в Сибирь за неведомой долей, буквально заболел этой байкой, и ему за каждым кедром, за всякой лиственницей в смолистых потеках мерещилось царство Иоанна.

Кристина морщит лоб.

— Это же мифическое?

Шустов кивает. Она снимает его.

— Все-таки шапка у тебя клоунская, — говорит она.

— Между прочим, полагали, что это царство находится где-то в восточных краях, в Тибете, в Монголии, даже в Казани...

— Или здесь? — догадывается она.

— Да. Но это уже мое предположение.

— На чем оно основано? — сухо интересуется она.

— Ну вон же, сколько тут церквей. Вон выглядывает крест. Вон. И пока шли, видели. Да и прямо перед гостиницей. А этот пресвитер и был христианским царем среди шаманов, мусульман, буддистов и всяких даосов там.

— Что-то вас, господин торговец, на запредельное потянуло.

Шустов с ухмылкой на тяжеловатом, слегка обрюзгшем лице оглядывается на пройденную арку и делает широкий жест. Кристина перестает снимать его на смартфон, бормочет, что надо обязательно переменить головной убор.

— Вот еще, — брюзжит Шустов. — У нас в Питере все так ходят.

— Что, если нас увидит кто-то из прибывших на конференцию?

— Начхать. Откуда им знать, что я твой муж? Может, любовник.

— Хм, ему тоже надлежит выглядеть соответствующим образом.

— Каким образом?

— Таким. Не клоунским.

Шустов хрипло смеется, проводит ладонью по стреляющей щетине.

— Известный биолог Кристина Альбертовна Шустова и клоун, торгующий финским ширпотребом.

— Китайским.

— Какая разница.

— Вообще-то немаленькая. Эти знаменитые *финские* пуховики, *шведские* парки и шубы из *скандинавской* норки на